

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Талеб Н. Н. **Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости** / пер. с англ. 2-е изд., доп. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. — 736 с.

Рецензию на эту книгу невозможно начать, не представив ее автора. Нассим Николас Талеб родился в 1960 г. в Ливане, в г. Амиуне. В семье, принадлежавшей ливанской политической элите. Его дедушка был министром внутренних дел этой счастливой в те годы арабской страны. Ее называли Швейцарией Востока. Центр сосредоточения арабских финансовых институтов, уровень жизни — близкий к европейскому, уровень образования тоже ничуть не ниже. Люди разных религий (сам Талеб — выходец из семьи православных христиан) жили мирно.

И вдруг... когда Талебу было 15 лет, все разом рухнуло. Страна погрузилась в хаос гражданских войн на религиозной почве. Семье пришлось переселяться в Европу, потом в Америку. Ныне Талеб — гражданин США. И выдающийся исследователь финансов, бросивший вызов экономическому мейнстриму. И доказавший свою правоту на практике. В разгар кризиса 2008 г. он, пользуясь своей методикой, заработал миллионы долларов. И это тогда, когда финансовые аналитики таких гигантов, как *Lehman Brothers*, *AIG* и пр., можно сказать, «вылетели в трубу». Один из крупнейших банков и инвестиционных институтов мира *Lehman Brothers* (год основания — 1850) перестал существовать, а крупнейшую страховую компанию мира *AIG* американский конгресс не решился бросить на произвол судьбы и влил в нее более 80 млрд долларов.

Талеб — не просто сверхудачливый финансовый игрок в период всеобщих неудач. Он выдающийся интеллектual нашего времени. И дело не в том, что он, говоря на наш манер, доктор экономических наук (получил PhD по финансам в Университете Париж-Дофин, предварительно окончив Уортоновскую школу бизнеса в США с присвоением степени MBA). Эти официальные титулы просто служат ему как щит против обвинений куда более, чем он, обремененных титулами «коллег» (ставлю это слово в кавычки, так как Талеб вряд ли признал бы их таковыми) в дилетантстве.

Особенно от него достается скандально известному нобелевскому лауреату по экономике 1997 г. Роберту Мертону (не путать с его отцом — одним из столпов американской социологии и тоже Робертом Мертоном), по чьим учебникам учатся финансисты всего мира (в российском издании: *Боди З., Мертон Р. К. Финансы*. М. 2007). Интересующиеся финансами, возможно, помнят знаменитый крах в 1998 г. инвестиционной компании *LTCM*, которой новоиспеченный «нобелю» руководил вместе с другим «нобелем» — Майроном Шоулзом. Согласно их знаменитой математической модели, приведшая к катастрофе комбинация цен могла возникнуть один раз в миллиард лет, тогда как *LTCM*хватило и четырех (*Боннер У., Уигин Э. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI в. Челябинск, 2005. С. 78*).

Однако вернемся к Талебу. Почему «Черный лебедь»? Предоставим слово самому автору: «До открытия Австралии жители Старого Света были убеждены, что все лебеди белые. Их непоколебимая уверенность вполне подтверждалась опытом. Встреча с первым черным лебедем, должно быть, сильно удивила орнитологов <...>, но эта история важна по другой причине. Она показывает, в каких жестких границах наблюдений или опыта происходит наше обучение и как относительно наши познания. Одно-единственное наблюдение может перечеркнуть аксиому, выведенную на протяжении нескольких тысячелетий» (с. 13).

И еще. Как сказал Антуан Сент-Экзюпери, «все мы родом из детства». На выходе из него, как уже отмечалось выше, Талеб столкнулся с так называемым Черным лебедем, который круто изменил судьбу его страны и его самого. Впрочем, наш герой тоже внес небольшой вклад в это изменение: во время волнений запустил куском асфальта в голову полицейского (это вам не «скол эмали с зуба» омовца на Болотной площади!). Дедушке-министру пришлось подписывать приказ об аресте внука. Но это было далеко не самое худшее. «Ливанский “рай” рухнул внезапно — хватило нескольких пуль и снарядов. Через несколько месяцев после моего заточения — и после тринадцати столетий уникального этнического сосуществования — Черный лебедь, взявшись невесть откуда, превратил страну из рая в ад» (с. 41). Представляется, что не будь у Талеба такого бурного личного опыта, то пописывал бы он стандартные статейки в какой-нибудь *Journal of Economics and Finance*, где строил бы свои расчеты на гауссиане, сводящей вероятность событий, подобных ливанским, едва ли не к нулю.

С великим немецким математиком Иоганном Карлом Фридрихом Гауссом у Талеба сложные отношения. Дело не в самом Гауссе, а в использовании его кривой нормального распределения для оценки вероятности тех или иных социальных событий. Как-то Талеб сидел в аэропорту в Германии и обратил внимание на купюру в 10 марок (дело было до введения евро) с портретом Гаусса и изображением его знаменитой кривой. И подумал, что менее всего ей отвечают события германской истории XX в.: Первая мировая война, экономические потрясения Веймарской республики и, разумеется, приход к власти национал-социалистов и взорвавшая мир новая глобальная война.

Кривая Гаусса прекрасно описывает ситуации, когда Черный лебедь никак не проявляет себя. Скажем, если некто решит случайным образом (например, среди прохожих на улицах Нью-Йорка) отобрать 1 тыс. взрослых человек и измерить их рост (или вес). Даже если нам попадет несколько человек ростом больше 2 м или весом больше 150 кг, то это не повлияет на правильность выводов. Мир Гаусса Талеб называет Среднестаном. И формулирует его высший закон: «Когда выборочная совокупность велика, никакой единичный случай не внесет существенных изменений в среднее значение или сумму» (с. 77). И даже если отклонения поражают размерами, то для итоговой суммы они не принципиальны.

Однако человеческий социум, его жизнь и события в нем, принадлежат не Среднестану. «Почти все социальные феномены принадлежат Крайнестану» (с. 78). А в нем работает принципиально иной закон: «В Крайнестане неравенство таково, что один единичный пример может дать непропорционально большую прибавку к совокупности или сумме» (там же). Для сравнения: представим, что к той же 1 тыс. случайным образом отобранных на нью-йоркских улицах человек вдруг присоединился Роман Абрамович. И мы пытаемся оценить распределение их состояний. Поможет ли нам Гаусс? Боюсь, что нет.

Вывод же таков: «В среднестанском многообразии невозможны “чернолебяжьи” сюрпризы, когда единица выборки доминирует над выборкой в целом» (с. 79). В Крайнестане же одна единица выборки может решающим образом изменить сумму. Живем же мы в Крайнестане. «Современный мир, являясь Крайнестаном, целиком зависит от редких — крайне редких — событий» (с. 119).

Посему статистические методы оценки неопределенности бесполезны. Кто из статистиков или эконометриков предсказал крах Римской империи или распространение ислама? Скажете, тогда их не было (хотя ретропрогнозы у них сегодня в моде). Что ж, вот вам события вокруг Украины. Многое в мире (не

только в России) они поменяли. Но что-то не слышно было вооруженных ARIMA- и VAR-моделями современных оракулов, облаченных в ученые мантии. Time series econometrics оказалась ничуть не полезнее, чем манипуляции Павла Глобы.

Ученость без эрудиции ведет к катастрофам. Талев очень любит пример с «эффектом индюшки». Индюшку тысячу дней с момента рождения откармливают ко Дню благодарения. Переменная (допустим, корм в граммах) растет день ото дня. Глубокомысленный ученый строит график и на основании долгосрочного прошлого тренда предсказывает будущее. И тут наступает 1001-й день. Комментарии нужны?

Невозможно пройти мимо рассуждений автора о специалистах и неспециалистах. В одних областях специалисты существуют (астрономы, агрономы, физики и т. д.). В других специалисты — как бы и не специалисты. К ним он относит экономистов, составителей финансовых прогнозов, профессоров-финансистов, политологов... В чем причина такого деления? Послушаем объяснение Талеба: «В тех областях, где *все подвижно* и потому требует осознания, специалистов обычно не бывает, тогда как в стабильных областях кое-какие специалисты есть. Иными словами, специалистов практически не существует в профессиях, имеющих дело с будущим и строящих свои расчеты на основе изучения неповторяющегося прошлого...» (с. 247–248). Исключив из этого списка тех, кто строит прогнозы на физических процессах (например, метеорологов), Талев пишет о самообольщении ученых. В нем суть проблемы как бы специалистов. Они не знают, чего они не знают.

В книге описываются эксперименты, которые проводил психолог Филип Тетлок. Касались они способности к прогнозированию. Нужно было оценить вероятность того, что в течение заданного временного периода произойдут определенные политические, экономические и военные события. Эксперты (четверть из них представляли экономисты) вышли далеко за пределы своих допусков на ошибку. Обнаружились любопытные закономерности: во-первых, между предсказаниями студентов и докторов наук не было разницы, во-вторых, профессора, имеющие большой список публикаций, справлялись не лучше журналистов; в-третьих, обладатели громких имен предсказывали хуже, чем те, кто ими не обзавелся.

После ознакомления с результатами Тетлока Талев стал просматривать экономические журналы, научные работы, диссертации. И после долгой работы пришел к следующему заключению: «Ни в одной из них нет убедительных доказательств того, что экономисты (как сообщество) способны делать прогнозы; а если иногда и способны, то их прогнозы лишь немного лучше случайных — принимать на их основе серьезные решения нельзя» (с. 259). В этой связи невольно возникают ассоциации с разного рода стратегическими планами и программами до 2020, 2030 гг. и т. п. Как инструменты обогащения за счет налогоплательщиков они работают, как программы и планы — нет. И не могут этого делать в принципе. Предсказываемые переменные носят случайный характер. Таким образом, эксперты претендуют на знание, которого не существует в тот момент, когда их творения создаются.

Талев прямо предупреждает: «*Остерегайтесь разработанных государственных планов*» (с. 342). «Пусть чиновники прогнозируют (раз это дает им чувство собственной значимости и смысл существования), но полагаться на то, что они говорят, опасно» (там же). Впрочем, это нам в России и без него более чем хорошо известно. Вернемся к его сражению с экономистами.

Оно идет на многих фронтах. Но не со всеми экономистами. А с теми, кого можно назвать современными неоклассиками или «мейнстримщиками». Борьба ведется с концепцией рационального индивида и вытекающей из нее оптимизации. «В ортодоксальной экономике рациональность превратилась в смиренную рубашку» (с. 305). Рациональный индивид-счетчик максимизирует или оптимизирует. «Я не первый говорю, — пишет Талеб, — что эта оптимизация отбросила назад социальные науки: из развивающейся отрасли знаний для умных и мыслящих людей они превратились в пародию на “точную науку”» (там же). Он обвиняет экономистов в стремлении «примазаться к физикам». Особо достается Полу Самуэльсону и его последователям. Талеб иронизирует: «Их познаний в математике хватило лишь на то, чтобы с ее помощью сбиться с верного пути» (с. 306). И заключает: «По сути их деятельность — интеллектуальное надувательство» (с. 305). Поскольку люди в реальности делают непоследовательный выбор и принимают непоследовательные решения, идея экономической оптимизации терпит крах. Следовательно, невозможно создать «общую теорию», а без нее невозможно предсказывать.

Особый интерес для читателей журнала «Финансы и бизнес» может представлять критика современной экономической теории финансов, прежде всего портфельной теории. Талеб едко замечает, что Гарри Марковица и Уильяма Шарпа наградили Нобелевской премией сразу после обвала финансовых рынков. «В деловом мире каждый с самого начала знал, что сама идея эта — обман, но к подобным методикам привыкли» (с. 441). И тут же дается замечательное заключение: «Судьбу любой социальной теории определяет ее заразность, а не ее обоснованность» (там же).

Роберт Мертон-младший и Марон Шоулз, естественно, тоже не обделены вниманием. Их знаменитая формула на самом деле (по утверждению Талеба) была изобретена математиком Эдом Торпом, которую они слегка подправили. Их образ реальности он считает «дефективным». Поскольку кривая нормального распределения не допускает больших отклонений, достаточно одного-единственного наблюдения, чтобы отбросить гауссиану. Любой Черный лебедь из Крайнестана способен нанести ей непоправимый ущерб. Не проходит, разумеется, Талеб и мимо упомянутой выше истории с *LTCM*. В результате которой «идеи Мертона и Шоулза вместе со всей портфельной теорией потерпели полный крах» (с. 448). Однако эта теория как ни в чем не бывало продолжает жить в программах университетов и бизнес-школ; формулой Блэка—Шоулза—Мертона по-прежнему заряжены компьютеры биржевых игроков. «Заразность» ее оказалась чрезвычайно высокой. «Осознание проблемы мало что значит — особенно если в деле замешаны чьи-то особые интересы» (с. 98).

Кого же из экономистов ценит Талеб? Он выделяет две экономические школы: посткейнсианство в лице Хаймана Мински и австрийскую школу. Несмотря на их диаметрально противоположные подходы к роли государства, обе они подчеркивают глобальную неопределенность в экономике. И именно по этой причине они не пользуются успехом у большинства экономистов-теоретиков, хотя в почете у бизнесменов-практиков. Отдает должное Талеб заслугам Фридриха фон Хайека. «Хайек — один из редких прославленных представителей своей “профессии” (вместе с Дж.М. Кейнсом и Дж.Л. С. Шэклом), кто концентрировался на истинной неопределенности, на ограниченных знаниях...» (с. 297). Выделяется в книге и роль австрийской школы (того же Хайека) в концепции неявного

знания, которое нельзя описать признанными научными методами, которое усваивается исключительно в самом процессе взаимодействия с реальным миром. Образ реального необразованного, но очень удачного игрока на бирже — жирного Тони — как раз представлен нам как сгусток неявных знаний, против которых бессильны все выпускники самых престижных бизнес-школ с их книжными, но бесполезными сведениями.

Тaleb опирается в своей критике претензий экономического мейнстрима на научность и на наследие ряда философов (начиная с Секста Эмпирика). Его скептицизм в отношении официальных знаний явно импонирует автору книги. Привлекает его и философский скептицизм Давида Юма. Из более близких к нам по времени авторов подчеркивается роль Карла Поппера, самым великим достижением которого объявляется «догадка о фундаментальной, суровой и необоримой непредсказуемости мира» (с. 114).

Что же касается математики, то здесь Гауссу противопоставляется Бенуа Мандельброт (1924–2010) — создатель теории фракталов. Слабость и уязвимость гауссовской кривой — в оценке хвостовых событий. Шансы отклонения на 4 сигмы вдвое выше, чем на 4,15 сигмы, а шансы отклонения на 20 сигм — в триллион раз выше, чем на 21 сигму. Однако, например, распределение доходов — величина масштабируемая (мандельбротовская). Допустим, люди с капиталом более 1 млн евро — 1 из 62,5; свыше 2 млн — 1 из 250; свыше 4 млн — 1 из 1000; свыше 8 млн евро — 1 из 4000 и т. д. Удваивая сумму денег, урезаем капитал в четыре раза. Скорость убывания постоянна (падения нет). «Масштабируемость означает, что нет встречного ветра, который мешает двигаться вперед» (с. 375).

Если бы подсчитывали распределение капиталов на основе метода Гаусса, то у нас получилась бы следующая картина: свыше 1 млн — 1 из 63; свыше 2 млн — 1 из 127 000; свыше 3 млн — 1 из 14 000 000 000; свыше 4 млн — 1 из 886 000 000 000 000. Полагаем, что достаточно. Представляем читателю самому догадаться, какой метод ближе к социальной реальности. В защиту Гаусса скажем лишь то, что, как нам рассказывает автор книги, ему не приходило в голову накладывать свою кривую на описание общественных явлений. Это сделал статистик Адольф Кетле (1796–1874).

Метод Мандельброта, разумеется, не претендует на какую-то абсолютную точность. Мандельбротовы фракталы не превращают всех Черных лебедей в Белых (не делают явления предсказуемыми), но здесь мы хотя бы не оказываемся столь далеки от жизни, как рассуждения, построенные на гауссианах. В этом своем мнении Taleb не одинок. «Во множестве статей показывается неадекватность гауссова семейства распределения и масштабируемая природа рынков. Напомню, что за годы работы я сам прогнал взад-вперед через статистические модели 20 млн данных. Именно это заставило меня презирать всех, кто говорит о рынках в терминах гауссианы» (с. 438).

Мандельброт более полувека назад познакомил финансистов с масштабируемостью и показал несоответствие гауссовской кривой тогдашним ценам. Однако они быстро осознали, что им придется учиться заново и решили оставить все как есть. Вполне понятное желание.

Напоследок посмотрим, что же Taleb рекомендует нам делать. Ведь мы помним, что он нажил в период кризиса. Может быть, и нам повезет, коли будем следовать его советам? Но ведь если бы он расписал все наши действия, то поступил бы вопреки своим принципам. Согласно ему, мудр не тот, кто говорит, что умеет предвидеть будущее, а тот, «кто знает, что далекое будущее неведомо никому» (с. 272). В принципе, он советует рассчитывать на самое худшее (причем

это худшее хуже, чем все то плохое, что имело место ранее) и не верить средним. *«Не переходите вброд реку, если ее глубина в среднем — четыре фута»* (с. 270).

Хотите что-то конкретное? Талеп предлагает «стратегию штанги». Вложите 85–90% капитала в максимально безопасные ценные бумаги (например, в казначейские векселя), а 10–15% вложите в нечто по-настоящему рискованное (например, в венчурное предприятие). В таком случае вы перестаете зависеть от предсказателей рисков с их «оптимальными» портфелями.

В конце книги Талеп формулирует 10 принципов построения общества, способного противостоять Черным лебедям (с. 582–586). Именно противостоять, а защититься от них невозможно. Кому интересно, могут прочитать. В принципе, ничего нового. Интересен его призыв: «Давайте перейдем к стабильной экономике, поможем сломаться тому, что необходимо сломать, обратим долги в акции, вытесним на обочину экономическую и правительственную элиту, перестанем присуждать “нобеля” по экономике, пошлем банкиров туда, где им самое место...» (с.585–586).

Что можно сказать об этой замечательной книге? Прежде всего ее надо прочитать тем, кто искренне считает себя экономистом. Особенно тем из экономистов, которые безгранично уверовали в математические модели и эконометрику как в «истинно научные» методы познания общества. Их точка зрения не изменится, но неприятные чувства они непременно испытают. Уверен, что многие из них набросятся на автора с личными выпадами. Тем лучше. Это он сам рассматривает как главное признание собственной правоты.

Конечно, книгу следует прочитать и тем, кто не принадлежит к экономической ортодоксии: посткейнсианцам, «австрийцам» и др. Они найдут в ней отличное подкрепление собственных мыслей и рассуждений.

Если же эту книгу читает вдумчивый ученик старших классов, то он никогда не пойдет в экономисты — чтобы потом не было обидно «за бесцельно прожитые годы». Что касается студентов-экономистов... Они вообще мало читают. Некогда. Надо готовиться к очередной контрольной по математике или эконометрике. Но могу дать совет преподавателям экономических университетов: никогда не упоминайте о существовании данной книги в студенческой аудитории. Потом вам нелегко будет преподавать экономические дисциплины. Вдруг студенты (хотя бы некоторые) попадут под обаяние и логику аргументации Талеба.

И все-таки я не исключаю вероятности, что Черный лебедь накроет своими крыльями мейнстримовскую экономику. И тогда о ней будут вспоминать, как ныне химики вспоминают о флогистоне, а биологи о «мичуринской генетике» академика Трофима Лысенко. Очевидно, что в этом будет немалый вклад и Нассима Талеба.

А. П. Заостровцев,

канд. экон. наук, науч. сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге

Вейхер А. А. Социология образования. СПб.: Санкт-Петербургский филиал НИУ ВШЭ, 2014. — 180 с.

Эволюция системы российского образования происходит столь стремительно, что для преподавателей, а также инициаторов очередных преобразований крайне необходимо владеть максимально широким спектром инструментов, обеспечивающих понимание происходящих процессов и движущих сил. Из числа

обучающихся понимание проблем образования важно прежде всего для магистрантов по направлению «Государственное и муниципальное управление», которые, кроме того, должны освоить инструменты социологического измерения образовательных структур и процессов.

Выполнить эту задачу может помочь недавно вышедшее учебно-методическое пособие «Социология образования». Его автор — Андрей Алексеевич Вейхер, профессор Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Пособие предназначено для магистрантов, обучающихся по магистерской программе «Управление образованием» по направлению 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление», и содержит предисловие, понятийно-терминологическое введение, краткое содержание тем (с указанием числа часов аудиторных и внеаудиторных занятий), предлагаемых для освоения в рамках дисциплины «Социология образования», и практическую часть, оформленную в виде 14 приложений.

В содержательной части изложены соответствующие материалы, сопровождаемые ссылками на литературу, темы для обсуждения на семинаре, практические выводы и разделы-ремарки. В конце каждой темы даны задания в рамках получения учащимися накопительной оценки за их выполнение. Совершенно очевидно, что такая прозрачность структуры курса будет способствовать становлению соответствующих отношений между преподавателем и учащимися, основанных на оправданных взаимных ожиданиях.

В предисловии, помимо общей, довольно краткой информации о том, что представляет собой социология образования как отраслевая теория, каковы ее цель, объектно-предметная область и проблемное поле, указана литература по данной тематике. В основных источниках указаны всего две работы: глава из книги под редакцией В. А. Ядова 1998 г. и статья С. А. Шаровой, опубликованная в журнале «Социологические исследования» в 2005 г. В дополнительную литературу внесены ссылки на сайт Института социологии РАН и Федеральный образовательный портал «Экономика, Социология, Менеджмент». С одной стороны, конечно, хотелось бы видеть в числе основных источников более свежие публикации, и, скорее всего, на указанных порталах они могут быть. Но, с другой, возникает вопрос: а есть ли такие источники? Приходится признать, что при наличии всеобщей заинтересованности в развитии отечественной системы образования налицо низкий уровень внимания к проблемам образования со стороны социологов (чаще можно встретить публикации педагогической направленности), к тому же преобладает поверхностное описание проблем, сводящееся к критике существующего положения и проводимых реформ. Редкие учебники по социологии образования быстро устаревают, не успевая за меняющимися стандартами, и поэтому выход этого пособия весьма актуален. Магистрантам же можно посоветовать ориентироваться на более динамичный рынок периодики и те образовательные ресурсы, которые им предоставляются в информационной образовательной среде НИУ ВШЭ, о которой также сказано в предисловии.

Раздел «Понятийно-терминологическое введение» служит своеобразным путеводителем-наставлением, в котором весьма определенно проговариваются возможные социологические и несоциологические трактовки таких важнейших понятий, как «общество», «структура», «дифференциация», «культура», «группа», «ценность», «норма», «качественное». На первый взгляд кажется, что в этом ряду последний термин лишний, но дальнейшее прочтение пособия показало, что это

не так. Самое интересное в этом разделе — то, что автор, предлагая толкования перечисленных выше слов, в весьма небольшом объеме текста сумел вместить обширнейшие теоретические разработки социологов, связанные с каждым из них, и в конце раздела предложил читателям универсальный формат работы с терминологическим аппаратом дисциплины, что, безусловно, весьма ценно.

Пособие можно разделить на две части: первая — теоретическая, содержит темы занятий, вторая — практическая, содержит материалы для самостоятельной работы.

Первая тема теоретического раздела «Социологическое понимание образовательных явлений и процессов — микроуровень» включает в себя три параграфа. Первый из них — «Социальные роли и группы в отношениях людей по предмету “Образование”» (с. 17–22), в котором в достаточно общем виде излагается история становления системы образования, обозначается пара социальных ролей «родители-преподаватели (учителя)», указывается на значимость «ролей тех, кто организует образовательный процесс, кто контролирует его результаты, кто определяет объемы и условия выделения ресурсов для функционирования и развития образовательных учреждений» (с. 19). Далее проводится ретроспективное описание условий появления роли учителя в контексте социальной дифференциации и нормативно-ценностных систем различных исторических периодов. Видимо, необходимость уложиться в заданный объем издания не позволил более подробно проанализировать ролевую дифференциацию, условия, связанные с ее возникновением в образовательных системах современной Европы и Азии, России и Америки. За рамками анализа осталась роль научно-исследовательских кадров, которые включены в систему и которые подвергаются непосредственному воздействию происходящих трансформаций современной российской науки и образования.

Второй параграф (с. 22–26) — «Качественные стадии развития социальности образования» — предлагает читателям ознакомиться с историческими предпосылками появления качественных изменений в социальных отношениях, складывающихся в процессе образования. Как одна из первых исторически сложившихся систем неравенства рассматривается дифференциация на «грамотных и неграмотных». При этом автор совершенно справедливо говорит, что это не единственная иерархия отношений и что «социология на громадном историческом материале показывает, что общественное развитие имеет более сложную структуру» (с. 24), и предлагает учащимся способы организации социологического исследования, которые он называет «правила постановки вопросов для исследования». Применение этих правил на практике последовательно иллюстрируется на протяжении всей темы. В продолжение этого параграфа излагается один из нечасто упоминаемых аспектов дифференциации внутри учительского сообщества, связанный с обладанием информационными ресурсами. Речь идет о возможностях накопления письменных источников, которые изменялись с течением времени и зависели от ряда внешних факторов. В третьем параграфе «Коллектив школы — объект изучения микросоциологии» (с. 26–30) ведется разговор о том, какие параметры могут выступать в качестве объекта исследования в рамках социологического изучения коллективов и труда, подводятся итоги по всей теме.

После прочтения материалов первой темы у читателя возникают вопросы, почему именно эти микросоциологические элементы попали в фокус внимания

автора, почему остались неупомянутыми другие формы и модели организации образования, типы участников, не только определяемые через «традиционную» ролевую дифференциацию, но и возникающие (трансформирующиеся) вследствие происходящих изменений во внешних по отношению к образовательной системам и пр. Хотя в тексте постоянно производятся отсылки к дополнительной литературе и делаются пометки, что приводимые рассуждения являются примерами, к которым социальная реальность не сводится, остается некоторое ощущение растерянности. И правда, нынешние изменения российской действительности и возникающие теоретические подходы предлагают социологам широчайшие возможности для анализа различных комбинаций структурных единиц общества, их деятельности и отношений. Этот пласт малоизученных процессов и явлений требует и от исследователей, и от управленцев определенной рефлексии, чтобы любое принимаемое решение было осмыслено с позиций современных тенденций общественного развития.

Вторая тема — «Социологическое понимание образовательных явлений и процессов — макроуровень» — предваряется введением, в котором весьма обстоятельно изложено макроуровневое понимание предмета социологии образования, перечислены субъекты отношений, складывающихся в системе образования. Тема включает в себя два параграфа. В первом — «Макросоциологические факторы развития оплаты труда в сфере образования» (с. 33–37) — описаны исторически сформировавшиеся экономические и политические регуляторы, действующие в системе оплаты труда. Рассматриваются вопросы, связанные с дифференциацией оплаты труда в советское время, последующие изменения положения в финансировании образовательных учреждений. К сожалению, приходится отметить, что заявленные в названии параграфа аспекты, погруженные в глубокий исторический контекст, ускользают от внимания, оставляя скорее понимание отдельных механизмов, использованных в системе оплаты труда (безотносительно к системе образования) и финансирования образовательных организаций в целом.

Основной объем материала второй темы расположен во втором параграфе — «Макросоциологическая оценка изменений роли сферы образования в социальной дифференциации» (с. 37–55). Автор начинает с того, что справедливо отмечает роль образования в процессах социальной мобильности, воспроизводящей и изменяющей структуру общества. Дальнейшее рассуждение строится исходя из анализа меритократического подхода и его соотнесения с понятием «человеческий капитал», обозначается ряд противоречий, причем не только теоретических, но и наблюдаемых эмпирически в современной России. Это суждение подкрепляется далее примерами из истории России, с поэтапным описанием механизмов влияния образования на воспроизводство социальной структуры. Так, в послереволюционном обществе отмечены четыре группы («крестьяне», «рабочие», «интеллигенция», «номенклатурные работники»), в каждой из которых описываются специфические отношения с образовательной системой, приводящие к изменению социального положения представителей группы. Заканчивается исторический анализ современным периодом, который, по словам автора, стал «периодом массовой смены социальных статусов и реального изменения социальной структуры российского общества в результате перестройки и дальнейшего преобразования экономической структуры общества» (с. 48). Далее подводятся итоги изменений социальной структуры российского общества и их последствий

для сферы образования. В завершение темы учащимся предлагается с позиций макросоциологического подхода самостоятельно рассмотреть ряд проблем современной системы образования.

В целом вторая тема, содержащая богатый исторический материал и не менее богатый и интересный его анализ, является итоговой в теоретико-методологическом разделе пособия. Ее изучение позволит магистрантам получить ответы на общие вопросы социологии образования и подготовиться к дальнейшей работе.

Следующие три темы готовят учащихся к освоению инструментов сбора и анализа социологических данных для изучения образовательных структур и процессов.

В третьей теме «Основные методы сбора информации в социологических исследованиях» достаточно подробно изложены правила социологических опросов и ограничения их применения (п. 3.1, с. 56–61), общие правила социологического описания собираемой информации (п. 3.2, с. 61–70). В четвертой теме «Сплошной и выборочный сбор социологической информации в образовательных структурах» приводится описание возможностей социологического использования информации, собираемой в ходе учебной и административно-управленческой работы (п. 4.1, с. 71–76). Описываются способы организации выборочных исследований (п. 4.2, с. 76–90) в соответствии с требованиями математической статистики, раскрываются специфические термины, их социологическое содержание и математический смысл. В пятой теме «Обработка данных как социологической информации» читателям разъясняется, каким образом следует подготовить и обработать информацию, чтобы она стала пригодна для дальнейшего социологического анализа. В п. 5.1 (с. 91–103) изложены общие правила начальной (обязательной) обработки социологической информации, разъяснены случаи применения параметрических и непараметрических методов анализа, правила подготовки количественных и качественных данных. В п. 5.2 «Социологический анализ собранной информации» (с. 103–125) представлены основные социологические методы анализа данных, описаны возможности ряда статистических критериев проверки связей между переменными.

Последняя в теоретическом разделе пособия, шестая тема «Применение социологических подходов в комплексных исследованиях образовательной сферы» (с. 126–132) резюмирует изложенный в предыдущих темах материал, предлагая читателям варианты сочетания подходов и способы организации исследований с привлечением информации, получаемой социологами, демографами, экономистами, юристами и некоторыми другими специалистами, работающими в проблемном поле социологии образования. Даются рекомендации, касающиеся выбора формата представления данных, чтобы результаты были понятны другим исследователям.

В целом в первой теоретической части учебно-методического пособия, несмотря на наличие стилистически не самых удачных, на наш взгляд, формулировок названий некоторых тем и параграфов, материалы изложены достаточно комфортным для восприятия языком, рассуждения автора впечатляют своей убедительностью и обоснованностью, предлагаемые способы организации практической деятельности — своей универсальностью. Все это, несомненно, подготовит магистрантов к пониманию сложности социологического подхода, необходимости социологического измерения образовательной системы и учета его результатов в принятии управленческих решений, а также предоставит готовые схемы проведения анализа проблематики социологии образования.

Практическая часть учебно-методического пособия включает перечень заданий для аудиторной и самостоятельной работы магистрантов. Она включает выдержки из книг и статей, иллюстрирующие различные социологические аспекты образовательной системы, статистические материалы, позволяющие в сравнительной ретроспективе оценить некоторые параметры условий жизни населения и работников сферы образования в СССР и современной России (Приложения 1–7, с. 133–144). Там же (в качестве домашнего задания — Приложение 8, с. 145–148) описывается основная логика и социологическая лексика построения аналитических схем, в качестве примера подробно изложен материал по теме «Социальные роли, интересы и действия участников событий в сфере образования». Обращает на себя внимание предлагаемая терминология («акторы», «практики», «роли», «социальные институты», «социальная структура», «стереотипы», «социальный статус», «нормы», «ценности» и др.), которая предполагает специфический социологический формат работы учащегося, позволяет освоить профессиональную лексику и в то же время задаться вопросами относительно происхождения тех или иных терминов, их принадлежности к той или иной теории. В этом же приложении приводится пример анализа ситуации и подробно рассматриваются возможные действия исполнителей ролей директора, завуча, руководителей РОНО, учителей (с дифференциацией по возрастному признаку), родителей, что компенсирует некоторую скупость описания ролевого распределения в образовательных учреждениях, представленного в первой части пособия. Далее размещены материалы для исследовательской работы, предполагающей применение методов математической статистики, где магистрантам предлагаются шаблоны для расчетов (Приложения 9–10, с. 149–150). В заключение (Приложения 11–14, с. 153–165) приводятся задания и примерные вопросы для самоконтроля.

Последние страницы пособия отведены словарю социологических терминов (66 единиц), который содержит не только и не столько общесоциологическую терминологию, сколько относящуюся к методам проведения социологических исследований и обработке их данных, в том числе математической статистике.

Выпущенное учебно-методическое пособие содержит значительную часть материалов, предполагающих работу с данными, и гораздо меньшую по объему часть, в которой идет речь о специфических для социологии образования дисциплинарных аспектах (последние описаны преимущественно с позиций структурно-функционального подхода, который является не самым актуальным в современной социологии).

С одной стороны, подобное соотношение обусловило его выраженную прикладную направленность, с другой — несколько увело в сторону от объектно-предметной области дисциплины. Можно предположить, что такой крен может быть оправдан спецификой целевой аудитории, поскольку для управления в системе образования важнее уметь применять конкретные навыки, чем иметь узкоспециализированные теоретические знания.

И еще одно замечание. Нужно сказать, что работа А. А. Вейхера — очередной пример невнимания к информационной основе изучения социальных процессов, т. е. государственной статистики. Единственный надежный источник данных об образовании — переписи населения. Насколько удовлетворяют пользователей (в данном случае социологов) статистические данные об образовании, соответствуют ли они мировому опыту и что можно было бы улучшить? Ответов на эти вопросы в данном пособии не найти.

В целом освоение представленных материалов благодаря предложенному автором способу их изложения позволяет раскрыть логику социологического понимания процессов, происходящих в системе образования, овладеть конкретными приемами их анализа, раскрыть специфику восприятия мира социологами.

С. И. Бояркина,
канд. соц. наук, ст. научный сотрудник
Социологического института РАН